

“урочных годах” 1597 г. и собственные представления о крепостном праве» (с. 361). Но вряд ли можно согласиться с утверждением Аракчеева о том, что «закрепостительная политика правительства в эпоху Смуты была малоуспешной по причине деградации государственного аппарата вплоть до полного его умирания в 1611/1612 г.» (с. 362). Как показывают современные исследования, государственный аппарат центрального управления в полной мере функционировал при всех правительствах Смутного времени, включая период междуцарствия, и сохранял персональную преемственность²⁰. Причиной замедления закрепостительных процессов, скорее, был кризис системы землевладения в Смуту, когда наблюдались массовое бегство крестьян и запустение земель.

В конце книги размещён любопытный картографический материал, представляющий собой реконструкции кормления в Русском государстве в середине XVI в. (по городам, волостельствам, наместничествам); результаты земской реформы второй половины XVI в. по городам и волостям; становление крепостного права в конце XVI – начале XVII в. (указание посадов и волостей, где осуществлялся сыск беглых).

Среди значительного количества опубликованных и неопубликованных источников Аракчееву удалось выявить акты, содержащие правовые нормы и конкретные свидетельства их реализации в отношении тяглого населения XV – начала XVII в., интерпретировать их, соотнести установленные факты с существовавшими официальными нормами, зафиксированными в Судебниках. Полученные наблюдения, думается, будут иметь продолжение в исследованиях прикладного характера, и, вполне закономерно, станут объектом для дискуссий с учётом активно продолжающейся в настоящее время в российской исторической науке эвристической и археографической работы.

Наталья Рыбалко: Институциональный подход в действии

Natalia Rybalko (Volgograd State University, Russia): The institutional approach in action

В своей работе В.А. Аракчеев сделал попытку реализовать институциональный подход²¹ «для реконструкции исторической реальности и механизмов её трансформации» в вопросах изучения земского управления, положения низших сословных групп (крестьян, посадских людей), правительственной политики с опорой на региональные отличия городов и уездов страны. Исследование хорошо структурировано, суждения автора базируются на соответствующем эмпирическом материале, однако институциональный подход всё же реализован им не в полной мере. К сожалению, он только вскользь охарактеризовал территориальные рамки своего исследования. Исключение западных территорий Аракчеев объяснил отсутствием источников, с чем можно поспорить. Частично опубликованный комплекс смоленских документов начала XVII в. вполне поддаётся реконструкции. Другое дело, что эта работа ещё не завершена; часть документов хранится в Швеции. Исключение Предуралья и Урала в связи со специфической правительственной политикой было бы разумно дополнитель-

²⁰ Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. М., 2011. С. 440–444.

²¹ Инишаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): в 2 т. Т. 1. Волгоград, 2002. С. 16, 31, 32.

но обосновать и, возможно, запланировать в дальнейшем комплексный сопоставительный анализ. Большой хронологический отрезок времени и желание продемонстрировать концептуальное видение проблемы вывели автора за указанные в заглавии монографии хронологические рамки (середина XVI – начало XVII в.). И хотя он оговорил это обстоятельство отдельно, всё же, вероятно, стоило обозначить нижнюю границу исследования как конец XV в.: разделы, характеризующие данный период, содержат весьма любопытные наблюдения.

Интересной частью работы является раздел, интерпретирующий статьи Судебников 1497 и 1550 гг. «О христианском отказе» в сопоставлении с комплексом жалованных грамот и других актов, свидетельствующих о реальной практике крестьянских переходов и выплат пожилого. Вывод о том, что практика взимания пожилого стала итогом формирования общегосударственных норм и не могла сложиться как результат некоего обычая, позволяет задуматься и о рассмотрении других статей Судебников с аналогичных позиций. Ценным является наблюдение В.А. Аракчеева в отношении перевода отдельных территорий от кормлений к приказному управлению ещё в первой половине XVI в., до реформ Избранной рады, что свидетельствует о складывании объективных предпосылок для их проведения.

Александр Виноградов: Была ли Россия второй половины XVI в. европейским государством?

Alexandr Vinogradov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): Was Russia of the second half of the sixteenth century a European state?

Монография В.А. Аракчеева является итогом многолетней исследовательской работы, опирающейся на внушительный комплекс источников, сосредоточенных в различных архивных фондах. Основная задача книги – изучение «новых аспектов правительственной политики в отношении тяглых миров» в контексте социально-политической истории. Правительственная политика в отношении тяглых сословий, в свою очередь, определена автором как главная составляющая всей эволюции социального развития России в XVI в.

«Стержневая» проблема в исследовании Аракчеева заключается в том, в какой мере правительственная политика привела к тяжелейшему кризису, потрясшему Русское государство в начале XVII в. – «Смуте». В этом заключается «вечный вопрос» отечественной историографии – проблема отношения «власти и общества».

Автор критически рассматривает «противоречащие друг другу взгляды на отношение власти и общества России XVI – начала XVII в.: 1) власть опирается на народ и “землю” и действует в конечном итоге в их интересах (земская монархия); 2) власть действует, не считаясь с интересами народа, эволюционируя в сторону “самодержавной монархии деспотического типа”» (с. 412). Критика автором данной постановки вопроса, исторически сложившегося в отечественной историографии и уходящего корнями в XIX в., абсолютно правомерна, так как сама концепция противопоставления «земской монархии» и «самодержавной монархии деспотического типа» носит в значительной степени «историософский характер». Тем не менее основной вывод исследователя, завершающий монографию – «Россия второй половины XVI – начала XVII в. предстаёт как европейское государство» (с. 412), – нуждается в уточнении.